

ФИЛОСОФСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Гуманитарная экспертиза

СУБКУЛЬТУРА ЗАКРЫТЫХ КОЛЛЕКТИВОВ КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Б.Г. ЮДИН

Подборка материалов, публикуемая в этом номере журнала, отражает начальную стадию реализации исследовательских проектов, в центре которых — проблемы жизни и деятельности человека, оказывающегося внутри закрытого коллектива, его адаптации к специфической субкультуре такого коллектива. Причем, говоря об адаптации, мы имеем в виду не просто приспособление человека к определенным обстоятельствам, но и сложное антропологическое преобразование, связанное с изменением самосознания индивидов, их социального статуса, а также с воспроизводством неформальных структур власти — доминирования и подчинения. Как показано в статьях участников проекта, отмеченные особенности адаптации человека к условиям существования в закрытых коллективах оказываются в определенном смысле инвариантными и с исторической точки зрения, и с точки зрения сравнительного анализа их реализации в многообразии современных сообществ. Структура средневекового европейского ритуала вхождения человека в круг студентов вдруг оказывается однородной с практиками дедовщины в армии (и не только российской), с современными ритуалами включения или исключения человека из бизнес сообщества, с отношениями внутри спортивных команд, танцевальных коллективов и т.д. Поэтому в определенном смысле, который еще следует уточнить, в изолированных коллективах мы сталкиваемся с наличием некоторых антропологических констант. Можно

полагать, что в этом заключена фундаментальность наших проектов.

Однако наши проекты не только фундаментальны, но и чрезвычайно актуальны для современного российского общества. В фокусе внимания будет находиться такой феномен, как армейская дедовщина. Тогда, когда формировалась идея проектов, наше внимание привлекло довольно неожиданное обстоятельство. С одной стороны, вопросы неуставных отношений или, как определяет дедовщину Википедия¹, «нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими в вооруженных силах», уже многие годы вызывают в нашем обществе весьма заметный резонанс. Едва ли не каждую неделю достоянием СМИ становятся сведения о новых жертвах этой практики, и дискуссии вспыхивают с новой силой. Как отмечается в аннотации к одной из немногих книг, посвященных этой тематике, проблема неуставных отношений военнослужащих в последнее десятилетие «приобрела настолько острый характер, что, пожалуй, не осталось ни одного призывника, ни одной матери призывающегося на военную службу молодого человека, которые не боялись бы предстоящей военной службы из-за связанной с ней реальной возможности подвергнуться неуставным посягательствам. Эта проблема волнует не только призывников и их матерей, но и основную часть общества (неуставные отношения, как правило, занимают центральное место в обсуждении жизнедеятельности армии и флота в средствах массовой информации, производя при этом немалый общественный резонанс), и даже структуры государственной власти (данная проблема давно уже вышла за пределы Министерства обороны Российской Федерации и периодически поднимается в выступлениях Президента Российской Федерации)»². Более того, формируются социальные структуры, направляющие свою активность именно в эту сферу, такие, как комитеты солдатских матерей или созданный при Министерстве обороны Общественный совет.

С другой стороны, неожиданно для нас выяснилось, что явление дедовщины довольно редко становится объектом научных исследований. Эта область остается практически не изученной: «... всего несколько публикаций и чуть ли не

единственная монография и то постановочного характера, скорее социологическое описание явления на скромной базе, чем анализ³. Многочисленные свидетельства и публикации комитетов солдатских матерей, при всем глубоком уважении к их работе, нельзя отнести к научным работам, это правозащитная деятельность»⁴. Возможно, что такие исследования проводились внутри вооруженных сил, а их результаты остаются закрытыми. Но если подобные исследования и имели место, мы в любом случае лишены возможности как учитывать, так и оценивать их.

Наше исследование опирается на определенные содержательные и методологические предпосылки. Содержательные предпосылки на нынешней, первоначальной стадии по необходимости носят самый общий характер. Во-первых, как было отмечено, явления, которые принято именовать термином «неуставные взаимоотношения», относятся к числу чрезвычайно распространенных социальных практик. Эти практики характерны для так называемых закрытых коллективов, каждый член которых находится в таком коллективе достаточно долго, на протяжении многих месяцев и даже лет, притом, что свобода его передвижений, времяпровождения и т.п., существенно ограничена.

Во-вторых, в любом закрытом коллективе складывается своя субкультура, т.е. наряду с теми взаимоотношениями, которые фиксируются во всякого рода уставах, регламентах и т.п., возникает неформальная организация, а для нее характерны специфические нормы взаимоотношений между людьми. В частности, заметное место в такой субкультуре занимают ритуалы инициации, или посвящения. Только пройдя через них новичок может повысить свой изначально низкий социальный статус и стать неформально принятым в коллектив.

Уже эти вполне очевидные соображения дают основания полагать, что, вообще говоря, едва ли было бы разумно ставить задачей радикальное искоренение неуставных отношений как таковых. Но это, разумеется, отнюдь не значит, что нет никакой альтернативы тому, чтобы безропотно мириться со всякого рода жестокостями, в которые нередко выливается дедовщина в современных вооруженных си-

лах. Скорее речь должна идти о поиске средств и механизмов, позволяющих ее контролировать, избегая таких проявлений дедовщины, которые чреваты нарушением прав, человеческого достоинства и здоровья военнослужащих. Если, к примеру, говорят о том, что социальные практики дедовщины выполняют некоторые существенные социальные функции, то можно не ограничиваться такой констатацией, а задуматься о поиске функциональных альтернатив, способных заместить эти практики.

Теперь — о методологических предпосылках нашего коллективного исследования. В этой связи следует сказать о том, что на протяжении уже пятнадцати лет одним из приоритетных направлений научной деятельности сначала Института человека РАН, а с 2005 г. — Отдела комплексных проблем изучения человека Института философии РАН остается изучение человеческого потенциала России.

Вообще говоря, проблематика человеческого развития, или человеческого потенциала, является сферой интересов одного из подразделений ООН, а именно — Программы развития ООН (ПРООН). Начиная с 1990 г. ПРООН ежегодно публикует доклады, в которых приводится обширная статистика, касающаяся состояния человеческого потенциала разных стран мира. В фокусе каждого доклада — таблица, в которой страны ранжированы по такому показателю, как индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП); иногда его называют также индексом человеческого развития. Этот показатель может изменяться в диапазоне от 0 до 1, и чем он выше, тем благополучнее состояние человеческого потенциала в стране. С середины 90-х гг. начата публикация ежегодных докладов о развитии человеческого потенциала Российской Федерации, в которых приводятся соответствующие данные по российским регионам.

ИРЧП определяется как среднее арифметическое трех составляющих индексов, характеризующих: а) средний приведенный душевой доход; б) средний уровень образования и в) среднюю ожидаемую продолжительность жизни. Каждый из этих индексов тоже принимает значения в диапазоне от 0 до 1. В общем и целом, чем выше показатель ИРЧП для данной страны, тем больше у ее граждан возможностей

для того, чтобы вести содержательную, наполненную жизнь, чтобы развивать и реализовывать собственные способности и потенции.

«Концепция человеческого развития, разработанная экспертами ПРООН... рассматривает развитие человека как собственно цель и критерий общественного прогресса»⁵; при этом человеческое развитие «представляет собой как процесс расширения человеческого выбора, так и достигнутый уровень благосостояния людей»⁶. В рамках этой концепции инвестирование в развитие человека выступает как двусторонний процесс: «С одной стороны, это расширение человеческих возможностей путем укрепления здоровья, приобретения знаний, совершенствования профессиональных навыков. С другой стороны, это процесс использования людьми приобретенных ими способностей для производительных целей или для отдыха, культурной, политической деятельности»⁷.

Имеет смысл сопоставить концепцию *человеческого развития* с концепциями «*человеческих ресурсов*» и «*человеческого капитала*», с одной стороны, и «*уровня жизни*» и «*качества жизни*», с другой. Нисколько не ставя под вопрос их содержательность и продуктивность, отметим лишь, что первые две из них рассматривают человека прежде всего как то, что *потребляется, используется* в процессах производственной или социальной практики. Две другие, напротив, ориентируют на восприятие человека как существа по преимуществу *потребляющего*. Концепция человеческого развития включает в себя оба этих аспекта, но вместе с тем выступает как более объемная, позволяющая отразить и представления о самооценности человека.

В той трактовке человеческого потенциала, которая была разработана в Институте человека РАН⁸, было предложено наряду с тремя параметрами, используемыми в ПРООН, учитывать также такие показатели, как уровень развития культуры и уровень защищенности прав человека. Что касается последнего, то очевидно, что чем больше эти права нарушаются, чем труднее их отстаивать, тем меньше оказывается у человека возможностей развивать и реализовывать свой потенциал.

Человеческий потенциал — это то, чем в той или иной степени обладает каждый индивид; в то же самое время развитие и реализация человеческого потенциала индивидов выступает и как мера общественного богатства, которое и может сохраняться и прирастать только на основе развития и реализации потенциала отдельных граждан страны. Это становится особенно важно, коль скоро мы говорим о необходимости инновационного развития страны, обсуждаем перспективы общества знаний. Ведь в конечном счете добывать, усваивать и применять знания может только человек. О движении в этом направлении можно будет говорить только в том случае, если человеческое развитие будет осознаваться и обществом, и властными структурами как подлинный, а не просто ритуальный приоритет, как наиболее важный, критический — во всех смыслах этого слова — ресурс страны.

Если с этих позиций подходить к проблеме неуставных взаимоотношений в вооруженных силах, то становится очевидным, что дедовщина в ее жестоких, унижающих и калечащих молодого человека проявлениях несет урон не только самому военнослужащему и его семье. Потери касаются и всей страны в целом, ее будущего. Следует особо подчеркнуть, что дедовщина непосредственно затрагивает прежде всего молодежь — тех, кто находится в той фазе жизненного цикла, когда возможно наиболее интенсивное приращение собственного человеческого потенциала, тех, кто составляет наиболее активную, наиболее перспективную часть человеческого потенциала, которым располагает страна и который бессмысленно растрачивается.

Естественно, познавательные возможности концепции человеческого потенциала применительно к проблематике неуставных отношений вовсе не исчерпываются высказанными общими положениями. Если говорить в целом, то дедовщину можно представить как совокупность разнообразных социальных технологий, по отношению к которым могут быть эффективно применены разработанные в рамках этой концепции методы гуманитарной экспертизы⁹. В данном случае они интересны тем, что предполагают не столько поиски такого решения проблем, которое может быть «спу-

шено» людям откуда-то сверху, сколько помощь, позволяющую решать эти проблемы им самим.

Таким образом, сочетание фундаментальных антропологических исследований и применение созданного авторским коллективом методологического инструментария комплексной оценки человеческого потенциала и гуманитарных экспертиз, послужит основанием как для изучения субкультур закрытых коллективов, так и для разработки-социальных технологий, которые смогли бы обеспечить эффективное противодействие негативным проявлениям дедовщины.

Примечания

¹ ru.wikipedia.org/wiki/Дедовщина

² Моргуленко Е.А. Неуставные взаимоотношения военнослужащих: теория и практика антикриминального воздействия // За права военнослужащих. М., 2006.

³ Имеется в виду книга Белановский С.А., Марзеева С.Н. Дедовщина в армии. М., 1991. Как видим, вышла она довольно давно.

⁴ Костинский А. Очерки дедовщины (в широком смысле). <http://index.org.ru/journal/19/kost19.html>

⁵ Основы изучения человеческого развития // Под ред. Н.Б. Баркалова и С.Ф. Иванова. М., 1998. С. 24.

⁶ United Nations Development Programme (UNDP), 1990; Human Development Report 1990. N.Y., p. 10.

⁷ Основы изучения человеческого развития. С. 25 – 26.

⁸ См., напр.: Человеческий потенциал: опыт комплексного подхода / Под ред. И.Т.Фролова. М., 1999; Человеческий потенциал России: интеллектуальное, социальное, культурное измерения / Под ред. Б.Г. Юдина. М., 2002; Человеческий потенциал Парфеньевского района Костромской области. М., 2003; Человеческий потенциал как критический ресурс России / Под ред. Б.Г. Юдина. М., 2007.

⁹ См.: Юдин Б.Г. Необходимость и возможности гуманитарной экспертизы // Знание. Понимание. Умение. 2006. № 4. С. 187 – 194.